

На следующий день Четвертый императорский внук должен был официально поступить в Академию Наставления в Вере. Лин Сяо вместе с ним почтительно совершил коленопреклонение перед Великими наставниками наследного принца, тем самым ознаменовав начало их совместной учебы.

Правящая династия Чу отличалась редким милосердием к отпрыскам императорского рода и не изнуряла их учебой до полусмерти, как это было принято в иные эпохи. Распорядок дня Лин Сяо теперь подчинялся несложному правилу: каждое утро он в течение двух шичэней слушал лекции наставника, в полдень отдыхал, а после обеда еще два шичэня посвящал верховой езде со стрельбой из лука или же каллиграфии и живописи. На этом дневные труды заканчивались.

К тому же Четвертый принц только приступал к учебе, и наставники читали ему то, что Лин Сяо давно уже знал назубок. Обучать столь юного ученика тонкостям ратного дела учителя не осмеливались, поэтому во второй половине дня мастера боевых искусств лишь заставляли его и Лин Сяо несколько раз повторять гимнастику пяти зверей.

Кроткий и славный Четвертый принц никогда не капризничал. Что же до Второго императорского внука Чу Ифэна, то он и прежде восхищался Лин Сяо, а познакомившись лично, привязался к нему еще сильнее. Юноша, который прежде терпеть не мог Академию Наставления в Вере, теперь стал наведываться сюда гораздо чаще. Он постоянно искал случая поговорить с Лин Сяо, а во время полуденных занятий конной стрельбой терпеливо, рука об руку, направлял его и Четвертого принца. Вскоре они сделались неразлучны.

Словом, жизнь Лин Сяо текла на редкость приятно и беззаботно.

Престарелый император, прослышав, что Четвертый принц прилежно взялся за свитки, несказанно обрадовался. Как-то раз, сразу после утреннего доклада, он решил устроить внезапную проверку и самолично явился в Академию в сопровождении нескольких старых евнухов. Картина, представшая его взору, была прелестна: Великий ученый Цзян, мерно покачивая головой, нараспев декламировал «Мэн-цзы». На почетном месте внизу Четвертый принц низко опустил голову — его круглая детская макушка уныло клонилась к столу. Император подошел ближе и так и замер: мальчик спал безмятежным сном!

Правитель перевел взгляд на сидевшего рядом соученика из рода Лин и подивился: тот тоже предавался сладкому забытью. Его изящная левая ладонь покоилась на столе, небрежно придерживая открытый свиток, а правой рукой он подпирал щеку. Иссиня-черные пряди волос слегка растрепались, а тонкие черты лица казались сошедшими с искусной картины.

— Ваше Величество... — Великий ученый Цзян поспешно опустился на колени.

От этого звука Лин Сяо мгновенно очнулся. Осознав, кто перед ним, он без тени суеты припрятал лежащую на коленях вещь под стол, поднялся сам и растолкал крепко спавшего Четвертого принца. Тот, заспанный и сонный, принялся тереть кулачками глаза, после чего

они с Лин Сяо чинно и неторопливо совершили коленопреклонение.

Император не знал, радоваться ему или гневаться. Разумеется, он не возлагал на этого внука великих надежд, но подобное легкомыслие переходило все границы! Придав лицу грозное выражение, он сурово отчитал ребенка:

— Еще недавно ты со слезами на глазах умолял Нас разрешить тебе учиться вместе с братьями! И каков же итог? Ленишься и совсем не проявляешь прилежания!

Четвертый принц еще не окончательно стряхнул с себя остатки сна, отчего был крайне ворчлив, и лишь тихо пробормотал:

— О...

Император лишь вздохнул. К младшим внукам он никогда не мог проявить той суровости, с какой в свое время воспитывал сыновей. С укоризной посмотрев на Лин Сяо, он молвил:

— Сяо-эр... Ты ведь на несколько лет старше принца и должен подавать ему пример! Господь одарил тебя недюжинным умом, так отчего же ты поддаешься праздности?

Услышав это ласковое и певучее «Сяо-эр», Лин Сяо мгновенно стряхнул остатки сна. Низко склонившись, он почтительно произнес:

— Этот ничтожный слуга признает свою вину.

Старый император всегда благоволил к внуку маркиза Лина. Глядя на то, каким утонченным и благородным юношей тот вырос, правитель окончательно смягчился и лишь пригрозил ему пальцем:

— Коль признаешь ошибку, поспеши ее исправить!

Лин Сяо ненавязчиво качнулся в сторону, сиюсь заслонить собой край стола, но зоркий взор императора тут же уловил это движение.

— Ага! — весело воскликнул владыка, мгновенно загоревшись любопытством. — Что это ты там прячешь? А ну-ка покажи!

Лин Сяо притворно нахмурился, выражая крайнее смущение, и нехотя извлек из-под столешницы шкатулку, пробормотав виноватым голосом:

— Сухофрукты...

— Громче говори! — приказал император, который с годами стал туговат на ухо.

Стоявший подле него евнух тут же перехватил шкатулку, открыл ее и поднес повелителю. Увидев содержимое, император не сдержал добродушного смеха.

— Воистину, ты плоть от плоти Чуньцю! Привычка грызть орехи у вас совершенно одинаковая, — император погрузился в воспоминания о былых сражениях за престол и с улыбкой добавил: — Помню, когда нас теснила конница Цяоци, мы бежали так спешно, что даже шатры свернуть не успели. Твой дед умудрился спасти целую коробку лесных орехов и, сжимая ее в руках, отдавал приказы о прорыве!

Лин Сяо почтительно опустил голову:

— Дедушка тоже часто вспоминает те времена. Он всегда журит меня за то, что я не унаследовал ни одной его добродетели, кроме этой непомерной страсти к лакомствам.

— Ха-ха! Ты еще юн, и нет ничего дурного в том, чтобы любить сладости, — старый государь воскресил в памяти славные деяния Лин Чуньцю и, расщедрившись, велел пожаловать юноше еще несколько отборных шкатулок с орехами. Напоследок он усмехнулся: — Пойду проведаю Цзинь-эра и Фэн-эра, не спят ли и они на занятиях.

Лин Сяо и Четвертый принц почтительно проводили правителя до ворот. Едва покинув двор, император приказал евнуху Фэну передать Ведомству дворцового хозяйства, дабы Лин Сяо впредь бесперебойно снабжали лучшими яствами. Очень скоро по всему дворцу поползли слухи, что соученик принца пользуется безграничным расположением государя.

Лин Сяо, отличавшийся исключительной осмотрительностью и безупречными манерами, в тот день почему-то допустил «оплошность» и попытался спрятать шкатулку именно тогда, когда на него смотрел император. Было ли случайностью то, что эта забавная уловка пробудила в душе старого правителя ностальгию и принесла юноше щедрые милости? Кто знает!

Глядя на то, как дворцовые слуги с каждым днем становятся все угодливее, а присылаемые вещи — все изысканнее, Лин Сяо улыбался все лучезарнее.

Когда Наследная принцесса узнала об императорской награде, она почувствовала, что ее авторитет укрепился как никогда. Еще бы! Племянник по материнской линии, едва оказавшись во дворце, сумел снискать милость самого императора! Наложницы Наследного принца, искушенные в лести, тут же принялись превозносить Лин Сяо, потакая тщеславию госпожи. Славные речи лились рекой: хвалили самого юношу, затем его мать Вэй Чжуан, а следом — и все Помесье герцога Цзин. Растроганная Наследная принцесса осыпала Лин Сяо ответными щедрыми дарами.

Лин Сяо оставил себе лишь слитки золота и серебра — жизнь во дворце требовала немалых расходов на подкупы и щедрые подношения слугам, и двадцати ланов серебра, присылаемых

ежемесячно из поместья маркиза Шоукан, ему катастрофически не хватало. Все остальные изящные вещицы он распорядился отослать обратно в Поместье маркиза Шоукан: ценные подношения предназначались деду и госпоже Ши, а милые девичьи безделушки — младшей сестре Лин Чжи. Что же до Лин Сюаня и Лин И? Посланник Лин Сяо даже не упомянул их имен.

Вскоре за Лин Сяо закрепилась слава благочестивого сына: в столице только и говорили о том, как почтителен молодой господин из поместья маркиза Шоукан! Все награды, полученные от императора и Наследной принцессы, он без остатка передал старшим членам семьи. Какое редкое, достойное подражания сыновье благочестие!

Придворные слуги, непревзойденные мастера лести, всегда знали, под чью дудку плясать и какие речи улаживают слух господ. О привязанности Наследной принцессы к Лин Сяо было известно давно, но теперь, когда сам государь выказывал ему благоволение, расспрашивая об успехах и жалуя дары, челядь из кожи вон лезла, чтобы угодить фавориту. Не умеют они угадывать чужие желания по одному взгляду, вряд ли продержались бы во дворце столь долгие годы.

Меньше чем за месяц Лин Сяо прочно утвердился при дворе. Даже старый маркиз Лин, прослышав об успехах внука, с гордостью поглаживал бороду и вздыхал:

— Воистину, ученик превзошел своего учителя...

За высокими стенами знатных усадеб всегда шла невидимая борьба: либо восточный ветер одолевал западный, либо западный подчинял себе восточный. Хотя влияние госпожи Ся в Поместье маркиза Шоукан и раньше редко брало верх, в последнее время ее авторитет и вовсе угас. Из Восточного дворца нескончаемым потоком шли щедрые дары. Всякий раз, когда на пороге дома появлялся посыльный евнух, он звучным голосом зачитывал список получателей, составленный Лин Сяо. Сначала шли подношения для старого маркиза Лина, затем — для госпожи Ши, после — скромная доля для Лин Жусюэ, которая заканчивалась в одно мгновение, а все остальное причиталось Лин Чжи. Оставшиеся двое детей от наложницы не получали ровным счетом ничего.

Если Лин Сюань переносил это спокойно, проводя почти все время на службе в ямыне, то Лин И, чье домашнее заточение едва подошло к концу, изнывала от злости. Наблюдая, как в поместье одна за другой доставляются императорские награды, к которым она не имела никакого отношения, девушка всякий раз чувствовала себя так, будто Лин Сяо на расстоянии отвечает ей звонкие пощечины — сперва хлещет по одной щеке, а затем принимается за другую.

Кроткая и простодушная Лин Чжи не подозревала о чужой зависти. Стоило Лин Сяо прислать ей ожерелье из драгоценных камней, как она тут же надевала его; стоило получить несколько рулонов изысканной Облачной парчи — и она в тот же день спешила к почтенной швейной

няне, чтобы заказать новое платье. Ее безмятежный смех и радость ранили Лин И сильнее самых острых шипов.

Утром, едва покинув покои госпожи Ши после церемонии приветствия, Лин И мгновенно помрачнела и быстрым шагом направилась в Западный дворик.

Ворвавшись к себе, она тяжело опустилась на кушетку, сделала глоток из поданной служанкой пиалы и с силой швырнула ее обратно на деревянный поднос. Тонкий фарфор со звоном разлетелся на осколки, а темная струйка чая залила лакированное дерево.

— Кто опять посмел расстроить тебя, дитя мое? — Ся Лань знаком велела служанкам удалиться и ласково сжала руку дочери. — Расскажи мне, что стряслось? Разве ты не ходила засвидетельствовать почтение старшим?

Лицо Лин И полыхало от ярости.

— Что стряслось?! Да все то же! Конечно, я ходила! Двоюродная бабушка все утро только и делала, что расхваливала платье Лин Чжи из роскошного Податного атласа! Эта девчонка взлетела на самую высокую ветку, так кто теперь станет считаться со мной? Даже служанки да кухонные торговки в усадьбе с каждым днем становятся все прихвостнее! Стоит им завидеть Лин Чжи, как они расплываются в поклонах, точно пред ними предстал сам небесный феникс, и все боятся, что не успеют излить на нее поток слащавых речей!

Ся Лань была слеплена из того же теста, что и ее дочь, а потому без труда поняла, какая обида гложет девичье сердце. Она тихо вздохнула:

— Но у тебя ведь тоже есть Податный атлас, зачем же так откровенно завидовать Второй барышне? К тому же твой старший брат теперь при должности, со временем все наладится.

— Разве можно сравнить жалкую службу брата с их возвышением?! — с горечью воскликнула Лин И.

В ее душе klokотала застарелая, ничем не объяснимая неприязнь к Лин Сяо и его сестре. По закону природы они, рожденные от разных матерей, должны были стать злейшими врагами, однако ни Лин Сяо, ни Лин Чжи никогда не опускались до открытого противостояния с ней. Напротив, каждый раз, ловя на себе взгляды госпожи Ши или Лин Сяо, Лин И отчетливо понимала: эти люди попросту не замечают ее существования.

Она до глубины души презирала их холодное, безразличное спокойствие. В нем сквозило врожденное, глубоко укоренившееся превосходство — превосходство, которое не снисходит до вражды с теми, кого считает пылью под ногами.

Затаенное чувство собственной неполноценности причиняло Лин И невыносимую боль.

Именно поэтому она с таким рвением пыталась выслужиться перед Лин Жусюэ и при каждом удобном случае хвасталась перед ненавистными родственниками своими нарядами и безделушками.

В свои тридцать шесть лет Ся Лань благодаря тщательному уходу все еще сохраняла былую прелесть и утонченное очарование. Нежно погладив дочь по волосам, она с грустью прошептала:

— Придется терпеть, дитя мое... Посмотри на меня. Я терплю уже без малого двадцать лет, но так и не обрела законного статуса. Я даже не могу протянуть руку помощи собственной семье. Если бы твой отец не относился к нам троим с должной теплотой, эти высокомерные господа давно бы извели нас со свету.

Лин И прекрасно понимала истинное положение вещей, а потому всегда выказывала исключительную почтительность к Лин Жусюэ. Любовь отца оставалась ее единственной надежной опорой. Но вот ее материнская семья...

Внезапно в голове Лин И созрел коварный замысел. Она крепко сжала ладонь Ся Лань и вкрадчиво прошептала:

— Матушка, если мне не изменяет память... в семье Ся подрастает юноша. Ему ведь уже исполнилось семнадцать?

— Верно, — Ся Лань кивнула. — Сын моего родного брата, Ся Гуан. Мальчишке пошел семнадцатый год, да только толку от него мало: девицы из бедных семей ему не по нраву, а знатные дома и смотреть на него не желают. Он до сих пор тешит себя бесплодными грезами и молит меня о протекции. Откуда ему знать, что в этом поместье мое слово не весит и ломаного гроша? Все его надежды напрасны.

— Вовсе не напрасны... — губы Лин И скривились в зловещей усмешке, и она прошептала: — Ты ведь время от времени видишься с ними. На этот раз пошли за родней под каким-нибудь благовидным предлогом. Мы тайно проведем Ся Гуана в усадьбу и направим его напрямик к Павильону Полоскания Яшмы...

— Замолчи, не смей говорить такие глупости! — испуганно воскликнула Ся Лань, и лицо ее мгновенно утратило краски. — Безумная девчонка! О чем ты только думаешь? Если об этом прознают старшие, твоего кузена забьют палками до смерти!

Лин И недовольно поморщилась:

— Чего тут бояться? Мы просто скажем, что бедный юноша никогда не бывал в столь обширных владениях и заблудился. Тот, кто совершил оплошность по незнанию, не заслуживает суровой кары. Дедушка превыше всего ценит незапятнанное имя нашего рода, он никогда не решится на тайную расправу. К тому же Ся Гуан — не безродный слуга нашей усадьбы, по какому праву

его станут лишать жизни? Ради спасения девичьей чести Лин Чжи старшие сделают все возможное, чтобы замять это происшествие...

Чем больше Лин И размышляла над планом, тем безупречнее он ей казался.

— В таком случае... — продолжала она с горящими глазами, — лучшим выходом для них станет спешное замужество Лин Чжи и Ся Гуана. Твое положение в семье укрепитя, а для рода Ся брак с благородной дочерью маркиза станет величайшим благословением. Даже если дедушка решит скрыть позор и замять дело, мы сами пустим слухи среди знати. Репутация Лин Чжи будет запятнана навек, и ни один достойный мужчина больше не посмотрит в ее сторону.

Лин И торжествующе улыбнулась. Сама мысль о том, что ненавистная соперница окажется в грязи, приводила ее в восторг.

В душе Ся Лань зародилось сомнение. Стоило признать, что коварный план дочери сулил ей немалую выгоду. Всю жизнь она полагалась лишь на собственную красоту и за долгие двадцать лет в Поместье маркиза Шоукан смертельно устала от роли бесправной наложницы. Если бы им действительно удалось повернуть это...

— Нет, это неосуществимо, — Ся Лань покачала головой, отгоняя соблазнительные мысли. — Чтобы добраться от нашей половины до покоев Второй барышни, нужно миновать множество переходов и ворот. Даже если он умудрится проникнуть за вторые ворота, вход во внутренние покои для постороннего мужчины закрыт наглухо!

Лин И слегка нахмурилась и упрямо прикусила губу:

— Значит, все будет зависеть от нашей ловкости и хитрости...

<http://bllate.org/book/20590/2112155>